

царства. Очень мало места было уделено идеологии, культуре, литературе, искусству. Да и вопросам общественного строя было посвящено всего семь докладов из сорока двух. Между тем разработка конкретных проблем истории общественного строя отдельных стран и периодов древнего Востока (и особенно Египта) еще очень далека от необходимой глубины и широты охвата.

Ряд областей и периодов истории древнего Востока все еще не разрабатывается. Помимо уже упоминавшейся истории хеттов, которой все же посвящено в нашей науке лишь небольшое число исследований, как выявилось на сессии, до сих пор только немногие исследователи уделяют внимание истории Сирии, Финикии и Палестины; мало разрабатывается история ахеменидского и более позднего Ирана. Наши ассириологи успешно разрабатывают проблемы Шумера, Урарту, периферийных областей Передней Азии, — однако наличных ассириологических сил не хватает на то, чтобы создать новые глубокие исследования по истории самой Ассирии и Вавилонии. Едва начинается исследование древней Аравии. Большим тормозом в развитии науки о древнем Востоке является отставание семитологии: не случайно на сессии было представлено всего три доклада по семитской эпиграфике. Хотелось бы услышать доклады семитологов И. Н. Винникова, К. Б. Старковой и других. Нам уже приходилось упоминать, что подготовка кадров научных работников в области истории и особенно филологии древнего Востока оставляет желать лучшего. Трудности технического порядка, которые до недавнего времени встречались на пути издания памятников, а также недостаточное понимание важности этого вопроса со стороны руководства ряда академических институтов и издательства не могли не сказаться на нашей науке. Совершенно нетерпимо положение, при котором на Всесоюзной сессии такого рода всего два доклада было посвящено публикации вещей из советских собраний, обладающих ценнейшими вещественными и письменными памятниками.

Таким образом, для наших товарищей — ассириологов, урартоведов, хеттологов, египтологов, семитологов — нет основания для самоуспокоения. Тем не менее достигнуто многое и, главное, — имеется основа для расширения, углубления и умножения трудов советской науки в области древнего Востока. Огромный интерес, который вызывает сегодня у нашей общественности многовековая, богатая событиями и достижениями история и культура народов Ближнего и Среднего Востока, будет вдохновлять наших ученых на новые, более глубокие исследования. Пожелаем нашим товарищам исследователям древней Передней Азии и Египта и тем, кто занимается другими отраслями науки о древнем мире — Грецией и Римом, Дальним Востоком, Индией, провести такие же плодотворные встречи и смотры своих достижений, а всем двигающим вперед науку о древности — новых и еще больших успехов!

Н. К.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СТРУВЕ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Свыше сорока пяти лет назад появилась в печати первая статья молодого египтолога Василия Васильевича Струве¹. Она была посвящена анализу одного коптского папируса, переданного автору для изучения его учителем, выдающимся русским востоковедом Борисом Александровичем Тураевым.

Вскоре, в 1913 г., появилось более обширное исследование начинающего ученого: «Петербургские сфинксы» (ЗКОРАО, III, стр. 20—51), в котором давалось детальное описание замечательных памятников древнеегипетской скульптуры, доставленных в Петербург в 1832 г. и украшающих с тех пор набережную Невы. В этой статье предла-

¹ Коптский папирус из коллекции проф. Тураева. Христ. Вост. I, вып. 2, Спб., стр. 207—211.

гались вниманию читателей транскрипция и перевод иероглифических надписей фараона Аменхотепа III, по приказу которого неведомый египетский художник в XV в. до н. э. изваял из красного сиенского гранита обоих сфинксов. Это был первый древнеегипетский текст, самостоятельно разобранный и опубликованный В. В. Струве.

Так начался творческий путь крупнейшего советского исследователя древнего Востока, обогатившего нашу науку целым рядом исключительно ценных трудов. В течение последующих четырех с половиной десятилетий В. В. Струве напечатал свыше 200 научных работ, самого различного размера, начиная с небольших заметок и кончая объемистыми монографиями и учебными пособиями.

По своей тематике эти работы отличаются исключительным разнообразием. Они посвящены истории и филологии Египта и Двуречья, Хеттского царства и Палестины, Урарту, Ирана, Средней Азии и, отчасти, Индии. Кроме того, В. В. Струве является прекрасным знатоком античности и в совершенстве владеет классическими языками. Это дает ему возможность систематически проводить сравнение параллельных исторических процессов на Востоке и в античном мире, выявляя черты сходства и различия.

В своей многолетней научно-исследовательской деятельности В. В. Струве стремится охватить все стороны жизни изучаемых народов: экономику и социальные отношения, внешнюю и внутреннюю политику, семейный быт и идеологию. Специальное внимание уделяет он таким важным вспомогательным дисциплинам, как хронология и историческая география. Обобщающие выводы делаются им на основании четкого филологического анализа, с привлечением данных сравнительного языкознания и археологических материалов.

Путь творчества В. В. Струве можно разделить на несколько этапов, по мере прохождения которых все больше проявлялась разносторонность его научных интересов.

В. В. Струве вышел из школы Б. А. Тураева и первые свои изыскания осуществлял под его руководством. Б. А. Тураев считал его одним из своих лучших, многообещающих учеников.

Характерной чертой исследовательской работы учителя, полностью унаследованной В. В. Струве, было стремление систематически связывать материалы египтологии и ассириологии, не отдавая предпочтения одной из этих отраслей востоковедения перед другой. Оба они являются не только египтологами, но и ассириологами. Подобная широта исторического кругозора дала самые плодотворные результаты.

Из ранних работ В. В. Струве особенно следует отметить его статьи, посвященные экономике Птолемеевского Египта², свидетельствующие о том, что он уже тогда прекрасно овладел труднейшими материалами греческих папирусов и был в состоянии удачно полемизировать с такими авторитетами в этой области, как У. Вилькен и М. И. Ростовцев.

В 20-х годах В. В. Струве сосредоточивает свое внимание главным образом на двух проблемах: египетской хронологии и египетской математике. Несколько лет упорного труда затрачивает он на изучение отрывков труда Манефона и сопоставление их с документами, написанными на египетском языке. Подготовительными работами для этого исследования были, с одной стороны, брошюра «Израиль в Египте» (Пг., 1920), где разбирались отрывки повествовательной части труда Манефона, с другой — статья «К вопросу о Тутмосидах»³, где выясняется запутанный вопрос о порядке престолонаследия фараонов XVIII династии. В основном исследование о Манефоне было завершено в 1928 г. и представлено в качестве докторской диссертации, успешно защищенной при Ленинградском университете в мае того же года. В. В. Струве удалось доказать, что хронологические данные Манефона гораздо надежнее, чем это считали крупнейшие авторитеты западной науки Э. Мейер и Дж. Г. Брэстед. Произвольные выкладки немецкого и американского исследователей не могут заменить царских списков египетского жреца, который пользовался подлинными анналами Саисской эпохи,

² ЖМНП, н. с., 1913, ч. 48; 1915, ч. 55; 1917, ч. 70.

³ «Из далекого и близкого прошлого. Сборник в честь Н. И. Кареева», Пг.— М., 1923, стр. 19—28.

переводя их на греческий язык. В большинстве случаев сведения Манефона блестяще подтверждаются параллельными источниками. В некоторых же ошибках повинен не сам Манефон, а его переписчики и интерполяторы более позднего времени ⁴.

Другим монументальным трудом В. В. Струве, подготовленным в 20-х годах и опубликованным в 1930 г., является его издание Московского математического папируса ⁵. Этот ценнейший памятник древнеегипетской науки был привезен в Москву В. С. Голенищевым и хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Начал его изучение еще Б. А. Тураев. В. В. Струве завершил работу своего учителя и дал полную транскрипцию и перевод документа, а также развернутый комментарий к нему, в котором разрешается ряд вопросов истории хозяйства. Основные выводы автора блестяще подтверждают утверждение Геродота о заимствовании греками основ геометрии у египтян.

Хотя оба указанных труда посвящены древнему Египту, однако В. В. Струве не замыкается и в это время в сфере египтологии. Занимаясь вопросами египетской хронологии, он не забывает об аналогичных материалах Шумера ⁶, а математику египтян сопоставляет с древнееврейской и армянской ⁷.

Очень тонко и осторожно проводит В. В. Струве параллели между египетской и шумеро-вавилонской культурой, делая упор не на механическое заимствование (чем особенно злоупотребляли панвавилонисты, но отчасти и историки других направлений), а на сходство исторических условий развития народов в долине Нила и в Двуречье ⁸.

Целый ряд работ В. В. Струве, относящихся к рассматриваемому периоду, посвящен памятникам художественной литературы Египта и Вавилонии ⁹.

С начала 30-х годов В. В. Струве обращает особое внимание на проблемы социально-экономической истории древнего Востока и во всей широте ставит вопрос о характере способа производства на древнем Востоке.

В 1933 г. он впервые обосновывает тезис о рабовладельческом характере древневосточного общества, доказывая, что только такое решение проблемы согласуется с учением К. Маркса и В. И. Ленина о развитии общества. Свои аргументы в пользу такого решения проблемы В. В. Струве развивает в докладе на тему: «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока» ¹⁰, а также в своем учебном пособии для высших учебных заведений, изданном впервые в 1936 г. ¹¹, и во втором, значительно переработанном и дополненном издании в 1941 г. ¹².

Сперва выводы В. В. Струве об отсутствии качественного различия между древневосточным и античным обществами были встречены критически. Многие исследователи не могли расстаться с привычной схемой исконно-феодалного восточного мира.

⁴ Исследование В. В. Струве о Манефоне, к сожалению, до сих пор не вышло отдельной монографией, но напечатано по частям в различных периодических изданиях. «Манефон и его время», ЗКВ, III, I (1928), стр. 109—185; IV (1930), стр. 159—248 и др.

⁵ Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau, В., 1930.

⁶ К истории патесиата Гишху, ИРАИМК, I—II, 1922, № 3, стр. 49—64.

⁷ Die Kreisberechnung in der Mathematik der Hebräer, СЕК, II, 1929, стр. 1—3; Египетская задача в сочинении армянского математика VII в., ТИЯЛ РАНИОН, V, стр. 29—32.

⁸ Сенаар и Египет, ИРАИМК, I, 1923, № 23, стр. 251—256.

⁹ Papyrus 1116 В recto и пророческая литература древнего Египта, ЗКВ, I (1925), стр. 209—227; Диалог господина и раба о смысле жизни (по новому вавилонскому памятнику), Сб. «Религия и общество», Изд. «Сеятель», стр. 41—59 и др.

¹⁰ ИГАИМК, вып. 77 (1934), стр. 32—181.

¹¹ «История древнего мира», т. I. Восток, М., 1936 (большая часть глав написана акад. В. В. Струве).

¹² «История древнего Востока», Л., 1941.

Только к концу 30-х годов противники В. В. Струве, хотя и с целым рядом оговорок, признали его основной тезис о наличии рабовладения на Востоке.

С другой стороны, ряд советских востоковедов с самого начала примкнул к основным выводам В. В. Струве, но в некоторых частных вопросах расходился с его трактовкой. Длительная дискуссия по этому вопросу дала ценные результаты. В. В. Струве внес много уточнений и поправок в свою концепцию, не изменяющих ее в принципе, но делающих ее более разработанной и обоснованной. «Вестник древней истории» с полным правом мог поэтому сказать по поводу второго издания (1941 г.) учебного пособия В. В. Струве, что «в основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях» и «благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный закономерный исторический процесс» (ВДИ, 1946, № 1, стр. 178).

Для обоснования своего положения о рабовладельческом способе производства на древнем Востоке В. В. Струве должен был мобилизовать огромный документальный материал и произвести целый ряд дополнительных изысканий. При этом обнаружился неожиданный, на первый взгляд, факт. Оказалось, что наиболее подробные и ясные статистические данные о количестве рабов и удельном весе рабского труда дошли до нас не из Египта, а из Двуречья (особенно из Шумера). Если учесть к тому же, что в распоряжении исследователя имеются законодательные памятники Шумера, Аккада, Вавилона и Ассирии, а древнеегипетский свод законов, к сожалению, утрачен, то станет понятно, что при решении принципиального вопроса о характере социальных отношений на Востоке пришлось базироваться, в первую очередь, на клинописных материалах.

Этим и объясняется то обстоятельство, что после 1930 г. в списке научных трудов В. В. Струве явно преобладают исследования по ассириологии. Центральное место среди них занимает серия работ, посвященных организации труда в крупных поместьях и мастерских Шумера времени III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.). В. В. Струве совершенно по-новому подошел к изучению условий жизни основных производителей в этих централизованных хозяйственных комплексах. Он доказал, что подавляющее большинство их персонала состояло из рабов, а обедневшие общинники, вынужденные продавать свой труд, представляли собой добавочную рабочую силу. Они нанимались (чаще всего в страдную пору) на работу в крупное рабовладельческое хозяйство (царское или храмовое), оставляя на своих крошечных наделах членов своей семьи. Часть бедняков (младшие сыновья, неоплатные должники и др.) даже лишались свободы и попоилили, наряду с военнопленными, контингент рабов.

Таковы основные наблюдения и выводы акад. Струве, основанные на изучении многочисленных сводок, составленных шумерскими счетоводами, выработавшими четыре тысячелетия назад усовершенствованные приемы учета труда (вплоть до вычисления трудодней).

Основные вехи своего исследования, выявившего эту интересную картину общественных отношений в Шумере, В. В. Струве наметил еще в 1934 г.¹³ В окончательном виде его взгляды были оформлены в более поздних работах 1947, 1949 и 1952 гг.¹⁴

Наряду с документами хозяйственной отчетности, незаменимым источником для изучения рабовладения на Востоке являются кодексы законов ряда азиатских стран. Изучению этих памятников В. В. Струве уделяет исключительно много внимания.

¹³ «Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура», Сб. «С. Ф. Ольденбергу к 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 495—501.

¹⁴ Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура, «Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской революции», М.—Л., 1947, стр. 720—742; Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура, СБ, VI (1949), стр. 149—184; Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тыс. до н. э., ВДИ, 1952, № 3, стр. 72 слл.

Он подвергает сокрушительному разгрому легенду о гуманности хеттских законов и на конкретных примерах показывает, что хеттские рабовладельцы, прославленные Эд. Мейером и другими корифеями буржуазной науки как представители «высшей арийской расы», были безжалостны к своим рабам¹⁵.

Сравнительному изучению законов Урнамму, Липитиштара, Хаммурапи и соответствующих частей Пятикнижия посвящена исключительно интересная статья В. В. Струве в последнем выпуске «Палестинского сборника»¹⁶. Здесь прослеживаются сходные приемы в политике рабовладельцев разных восточных стран, стремящихся укрепить свое пошатнувшееся положение путем частичных уступок беднякам.

Последние два десятилетия акад. В. В. Струве, не оставляя изучения прежних проблем, поднимает и ряд новых тем, связанных с историей Ирана и Средней Азии. Он ставит своей задачей разрешить значительный комплекс вопросов, важных не только для истории древнего Востока, но и для более глубокого знакомства с далеким прошлым народов нашей Родины. Во всей широте ставится вопрос о возникновении зороастризма. В. В. Струве решительно поддерживает утвердившуюся в советской историографии точку зрения, признающую родину зороастризма Среднюю Азию. Однако обосновать этот тезис оказалось более трудным делом, чем может показаться на первый взгляд. Опубликование в 1937 г. надписи Ксеркса о «дэвах» не облегчало, а, наоборот, осложняло вопрос. Предварительное знакомство с этим документом создавало впечатление, что Ксеркс был зороастрийцем. Признание Ахурамазды главным богом, борьба с местными культами дэвов казались явным проведением в жизнь принципов Авесты. Однако путем более глубокого и точного анализа акад. В. В. Струве удалось неопровержимо доказать, что это сходство является чисто внешним и обманчивым. В сопоставляемых первоисточниках мы имеем дело не с единым процессом формирования дуалистической идеологии, а с двумя совершенно различными религиозными течениями, которые черпали из одного и того же источника — раннего маздеизма, возникшего в древней Армении и Азербайджане. Однако эти системы, хотя и имели общие корни, развивались в совершенно различных направлениях. Зороастризм «в первоначальной своей форме является идеологией, зародившейся в среде племенной демократии в борьбе против усиливающегося господства рабовладельческой знати»¹⁷. Прославление труда, осуждение массового заклания в жертву скота, запрет погребения покойников в земле — все эти черты, столь характерные для зороастризма, полностью отсутствуют в официальной религии Ахеменидов, для которой Ахурамазда является покровителем царской власти.

Объяснение всех этих контрастов, предложенное В. В. Струве, сделало совершенно ясным странный, на первый взгляд, факт, что в Авесте замалчивается деятельность Дария I и Ксеркса¹⁸, а в надписях последних ни слова не говорится о пророке Заратустре. Этот пророк, выступавший против знати и жрецов, не мог получить признания от персидских владык¹⁹.

В связи с зороастризмом В. В. Струве рассматривает и восстание в Маргиане (совр. Мары), носившее народный характер, начавшееся еще в правление мага Гауматы и подавленное Дарием I²⁰.

Особые исследования В. В. Струве посвящены борьбе саков-массагетов²¹ и при-

¹⁵ Параграфы 34 и 36 Хеттского судебного кодекса, ВДИ, 1937, № 1, стр. 33—38; О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20.

¹⁶ Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине, ПС, 1958, вып. 3 (66), стр. 3—28.

¹⁷ ВДИ, 1949, № 4, стр. 150 (в рецензии на книгу С. П. Толстого «Древний Хорезм»).

¹⁸ Об упоминаниях Атоссы и Гистаспа см. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2, стр. 21—23.

¹⁹ Родина зороастризма, СВ, V (1948), стр. 5—34.

²⁰ Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2, стр. 10—29.

²¹ Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН СССР, сер. ист. и философ., 1946, № 3, стр. 231—250.

черноморских скифов²² с державой Ахеменидов, а также политическим течением в этой стране²³.

Одновременно с изучением истории древнего Ирана (которой, помимо перечисленных, посвящено еще много работ) акад. В. В. Струве продолжает заниматься памятниками Двуречья и Египта. В своих новейших исследованиях он проследживает все перипетии в войнах Урукагины с Уммой, отразившиеся в документах того времени²⁴.

Из последних работ акад. В. В. Струве по египтологии следует особенно отметить изучение демотических папирусов времени Птолемеев, проливающее новый свет на историческую обстановку эпохи²⁵.

Не менее интересна статья «Восстание в Египте в первый год царствования Дария I», в которой В. В. Струве вскрывает ошибки американских исследователей Р. Г. Кента и Г. Г. Камерона, неправильно определивших масштабы этого восстания, так же как и старую точку зрения Эд. Мейера, считавшего, что Египет оставался покорным Дарию I (ПС, 1954, № 1, стр. 7—13).

Несмотря на огромный диапазон древневосточной тематики, являющейся объектом исследований акад. В. В. Струве, он находит время заниматься также греческими источниками, то прослеживая пережитки позднеминойского периода в законодательстве Крита VI века²⁶, то принимая, наряду с историками античности, участие в интерпретации декрета в честь Диофанта²⁷.

Исключительно велика роль акад. В. В. Струве в создании первых двух томов «Всемирной истории», издаваемой Академией наук СССР. В томе I его перу принадлежат семь глав²⁸, а во втором — большая часть первой главы. В нашем кратком обзоре невозможно перечислить все то новое, что внес В. В. Струве в общую картину истории древневосточных стран, даваемую в указанном издании. Для примера можно привести его интересные соображения о масштабах народных движений в Аккадском и Хеттском царствах²⁹, анализ изменения традиций о Гильгамеше³⁰, яркое изображение сложной международной обстановки в XVI в. до н. э., когда гиксосам приходилось вести борьбу на два фронта — против восставшего Египта на юге и наступающих с севера хеттов³¹, и многое другое.

В заключение следует отметить, что акад. В. В. Струве, проводя огромную научно-исследовательскую работу, отнюдь не замыкается в своем кабинете, но живо откликается на все важнейшие события современности и, наряду со специальными исследованиями, публикует статьи и брошюры, рассчитанные не на узкий круг научных работников, но на массового читателя. В годы Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских агрессоров он беспощадно разоблачал антинаучные и чуждоконенавистнические измышления немецких расистов³². В послевоенный период

²² Дарий I и скифы Причерноморья, ВДИ, 1949, № 4, стр. 15—28.

²³ Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I, ВДИ, 1948, № 3, стр. 12—35.

²⁴ Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского (ВДИ, 1957, № 4, стр. 3—18) и Основные вехи войны Урукагины и Лугальзаггиси (ВДИ, 1958, № 4, стр. 3—13).

²⁵ Значение некоторых из демотических папирусов ГМИИ для истории и культуры Птолемеевского Египта, «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955, стр. 320—342.

²⁶ Общественный строй древнего Крита, ВДИ, 1950, № 4, стр. 45—47.

²⁷ Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

²⁸ Гл. VI—VII, XIII—XIV и XXIV целиком, а главы X и XIX в значительной части.

²⁹ Том I, стр. 294 и 368.

³⁰ Там же, стр. 222—223 и 307.

³¹ Там же, стр. 368—369.

³² Что кроется под фашистским антисемитизмом, «Спутник агитатора», 1941, № 4, стр. 24—27.

он выступает против англо-американских реакционеров, угрожающих развязать атомную войну³³.

В. В. Струве заведует кафедрой древнего Востока ЛГУ и систематически ведет педагогическую работу, делясь своими огромными знаниями с учениками и подготавливая новые кадры советских специалистов в области востоковедения.

С большой чуткостью и вниманием относится акад. В. В. Струве к научным заслугам ученых нашей страны, работающих в той же или смежных областях. В специальных статьях и обзорах он отмечает выдающиеся заслуги востоковедов старшего поколения (В. С. Голенищева, Б. А. Тураева, П. К. Коковцева), а также своих соотечественников по работе.

В. В. Струве является заведующим Отделом древнего Востока Института востоковедения и членом Бюро отделения исторических наук АН СССР. За свои заслуги он награжден орденом Ленина.

Многочисленные ученики и почитатели академика Василия Васильевича Струве, редакция и редколлегия ВДИ горячо желают ему многих лет жизни и продолжения плодотворной работы.

К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И. Н. БОРОЗДИНА

В октябре 1958 г. исполнилось 75 лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности профессора Ильи Николаевича Бороздина.

И. Н. Бороздин родился 25 октября 1883 г. в городе Ярославле. По окончании классической гимназии Илья Николаевич поступил в Московский университет, где слушал лекции В. И. Герье, П. Г. Виноградова.

В послереволюционный период развернулась работа И. Н. Бороздина в высших учебных заведениях. Юбиляр работал в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина, в Туркменском педагогическом институте. С 1949 г. по настоящий момент И. Н. Бороздин заведует кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета.

Характерной особенностью И. Н. Бороздина как исследователя является широта его научных интересов. И. Н. Бороздин с успехом работал во многих областях всеобщей и отечественной истории. Список печатных трудов Ильи Николаевича, насчитывающий свыше четырехсот названий, включает значительное количество исследований и научно-популярных работ по древней истории.

И. Н. Бороздин занимался вопросами социально-правовой, экономической и культурной истории Востока, Греции и Рима, особенно историей античных колоний на юге нашей страны. Ему принадлежат «Заметки по греческому эмфитевзису», написанные в 1909 г. и содержавшие новое освещение вопроса о долгосрочной аренде в древней Греции. В целях выяснения хозяйственного облика территории древнегреческой колонии, Херсонеса, И. Н. Бороздин произвел раскопки на Гераклейском полуострове, давшие интересный материал об особых сооружениях хозяйственно-оборонительного характера. Результаты раскопок изложены им в работе «Новейшие археологические открытия в Крыму (Раскопки на Гераклейском полуострове)» (М., 1925). И. Н. Бороздин напечатал также работы: «Памятники античной культуры на юге России» (1915) и «Античная культура на юге России» (М., 1918), представляющие собой общую характеристику культуры античных колоний на юге СССР.

И. Н. Бороздин занимался также историей хеттов и опубликовал работу о хеттских законах («Новый Восток», 1922). Совместно с Б. А. Тураевым И. Н. Бороздин издал сборник источников «Древний Восток», рекомендованный как пособие для вузов и выдержавший несколько изданий. Его совместной работой с Б. В. Фармаковским было издание сборника источников «Древний мир на юге России» (1918). Под редакцией И. Н. Бороздина вышел сборник «Хетты и хеттская культура» (1922).

³³ Для счастья людей (Против угрозы атомной войны), газета «Ленинградский университет», 1955, 1 апреля.